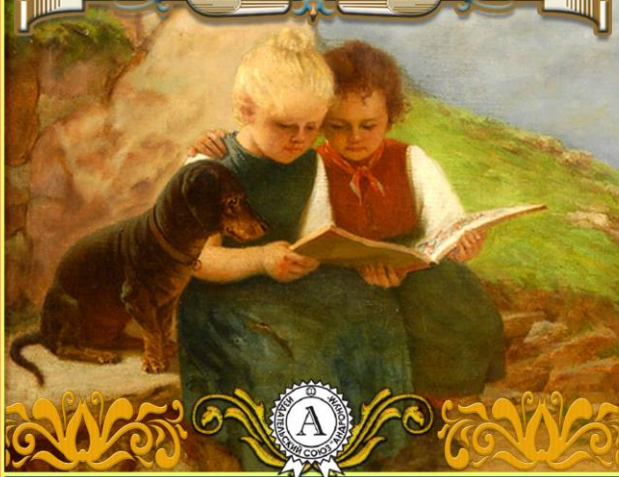

Волшебный источник
Датские сказки

Т. Х. Андерсен
Сын
привратника

Аннотация

А почему бы на время не забыть о заботах, рутине и серых буднях? Почему бы не сделать паузу и отдохнуть, почитать что-нибудь для души? Мы предлагаем вам очень действенную терапию — сказочную! У вас в руках — «Волшебный источник» — самая сказочная книжная серия, в которой собраны наиболее известные и любимые сказки народов всего мира. На страницах изданий серии вам откроется волшебный мир английских, арабских, датских, индийских, немецких, французских, украинских, японских, конечно же, русских и многих других сказок.

Сказки величайшего датского сказочника Ганса Христиана Андерсена обожают читать взрослые и дети. И не зря. Ведь есть один занимательный факт, что Андерсен не любил, когда его называли детским сказочником и говорил, что пишет сказки как для детей, так и для взрослых. Из-под его пера вышли около двух сотен сказок, самыми любимыми из которых являются «Гадкий утёнок», «Новое платье короля», «Дюймовочка», «Стойкий оловянный солдатик», «Принцесса на горошине», «Оле Лукояе», «Снежная королева» и многие другие.

Ганс Христиан Андерсен

Сын привратника

Генеральская семья проживала в бельэтаже, семья привратника — в подвале. Их разделяло большое расстояние — весь первый этаж, да табель о рангах. Но все же обе семьи жили под одной крышей, и из обоих жилищ открывался вид на улицу и во двор. На дворе была лужайка, а на ней росла цветущая акация — цветущая в пору цветения. Под нею часто сиживала в летнее время разряженная мамка с еще более разряженной генеральской дочкой, малюткой Эмилией. А перед ними выплясывал босоногий, черноглазый, темноволосый сынишка привратника. Малютка улыбалась ему и протягивала ручонки; случалось увидеть в окно такую картинку самому генералу, он кивал головой и говорил: «Charmant!» Молодая же генеральша — она была так молода, что могла бы быть дочкой своего мужа от раннего брака, — никогда не смотрела из окна во двор, но раз навсегда отдала мамке приказание, чтобы она позволяла мальчику из подвала забавлять малютку, но отнюдь не дотрагиваться до нее. И мамка строго соблюдала приказ.

А солнышко одинаково светило и в бельэтаж, и в подвал; акация цвела, потом цветы опадали, но

на следующий год появлялись новые. Дерево цвело из года в год, цвел и привратников сынишка — ни дать ни взять свежий тюльпан!

Генеральская же дочка была бледненькая, нежненькая, как бледно-розовый лепесток акации. Теперь она редко появлялась во дворе под деревом — она дышала свежим воздухом в карете, катаясь вместе с татан. Увидя из окна кареты привратникова Георга, она всегда кивала ему головкой и даже посылала воздушные поцелуи, пока мать не объявила ей, что она уже слишком велика для этого.

Раз утром Георгу пришлось подняться к генералу с газетами и письмами. Проходя мимо чуланчика под лестницей, он услышал там какой-то писк и подумал было, что туда забился цыпленок. Но оказалась, что там всхлипывает генеральская дочка в кисее и кружевах.

— Только не говори папе и маме — они рассердятся! — сказала она.

— О чем, барышня? — спросил Георг.

— Все сгорит! — ответила она. — Там горит!

Георг отворил дверь в детскую — оконные занавески почти все обгорели, карниз пылал. Георг подпрыгнул, сорвал занавески, созвал людей. Не будь его, вспыхнул бы настоящий пожар.

Генерал и генеральша подвергли Эмилию допросу.

— Я только взяла одну спичку, чиркнула, она сейчас загорелась и занавеска тоже! Я стала плевать на нее, чтобы потушить, плевала, плевала, но у меня не хватило слюней... Тогда я убежала и спряталась — я боялась, что рара и татап рассердятся!

— Плевала, плевала! — заметил генерал. — Это еще что за слово? Ты его слышала когда-нибудь от рара или от татап? Это все оттуда, из подвала!

Маленькому Георгу все-таки дали целых четыре скиллинга. Он спустил их не в булочной, а в копилку, и скоро там набралось их столько, что он мог купить себе ящичек с красками — раскрашивать свои рисунки, а рисовал он много. Картинки как будто сами собой сыпались на бумагу с кончика его карандаша. Первые же раскрашенные рисунки пошли в подарок Эмили.

— Charmant! — изрек генерал, и даже генеральша была принуждена сознаться, что можно догадаться, что именно хотел изобразить мальчуган. «В нем есть талант!» — вот с каким известием вернулась в подвал жена привратника.

Генерал и генеральша были люди знатные; на карете их красовалось целых два герба — у каждого из супругов был свой. Генеральшин герб красовался и на всем ее белье, даже на ночном чепчике и туалетном мешке. Ее герб был такой

драгоценный! Он стоил ее папаше много блестящих червонцев — ни папаша, ни даже дочка не родились с гербом; она появилась на свет за семь лет до приобретения его папашей. Это отлично помнили все, кроме их самих. Герб же генерала был древний и крупный. И один-то герб довольно тяжело носить на себе, а тут их было целых два — поневоле затрещишь по всем швам! И немудрено, что разряженная, гордая генеральша выезжала на придворные балы с таким шумом и треском.

Генерал был стар и сед, но хорошо держался на седле. Он это знал и ежедневно выезжал верхом в сопровождении слуги — на почтительном расстоянии. Являясь в общество, он тоже держал себя так, как будто смотрел на всех с высоты седла. Орденов у него было столько, что просто уму непостижимо; сам он, впрочем, был тут ни при чем. Он вступил на военное поприще еще очень молодым человеком и участвовал во всех больших осенних маневрах в мирное время. От этой эпохи у него сохранялось еще воспоминание, анекдот, единственный, который он знал и рассказывал. Его унтер-офицер отрезал и взял в плен одного из принцев, и этому пришлось со своим маленьким отрядом въехать в город позади генерала в качестве его военнопленного. Об этом-то незабвенном происшествии генерал и рассказывал вот уже многие годы, никогда не забывая привести

памятные слова, которые были при этом сказаны. Генерал, возвращая принцу шпагу, сказал: «Только мой унтер-офицер мог взять в плен Ваше Высочество; я — никогда!» А принц ответил: «Вы несравненны!» На настоящей же войне генерал никогда не бывал; когда шла война, он шел дипломатической дорогой и прошел три иностранных двора. По-французски он говорил так хорошо, что почти забыл свой родной язык, отлично танцевал, ездил верхом, и ордена вырастали у него на груди, точно грибы. Солдаты отдавали ему честь, и одна из первых красавиц отдала ему честь — сделалась генеральшей. Скоро у них появилась прелестная дочка, словно упавшая с неба, — так она была прелестна! Едва она начала понимать, сынишка привратника стал выплясывать перед нею во дворе, а потом, когда она подросла, дарить ей все свои раскрашенные картинки. Она принимала их, играла ими и рвала в клочки. Она была такая миленькая, нежненькая!

— Мой розовый лепесток! — говорила генеральша. — Ты рождена для принца!

А принц-то уж стоял за дверями, только никто не знал этого. Люди не видят дальше порога.

— А намедни наш мальчуган поделился с нею бутербродом! — сказала жена привратника. — Он был без сыра, без мяса, но понравился ей, что твой бифштекс! То-то бы содом поднялся, узнай об этом

генерал с генеральшею! Но они не узнали!

Да, Георг поделился с Эмилией бутербродом; он бы поделился с ней и своим сердцем, знай только, что это доставит ей удовольствие. Он был мальчик добрый, развитой, умный и уже посещал вечерние рисовальные классы, чтобы хорошенько научиться рисовать. Эмилия тоже преуспевала в науках: она говорила по-французски со своей бонной и брала уроки у танцмейстера.

— К Пасхе Георг наш будет конфирмован! — сказала жена привратника. Вот как успел вырасти Георг.

— Хорошо бы потом отдать его в ученье! — заметил отец. — Надо только выбрать ремесло почище. Ну, и тогда — с хлеба долой!

— Но он все же будет приходить домой ночевать! — возразила мать. — Нелегко-то найти мастера, который бы взял его к себе совсем. Одевать его нам, значит, тоже придется. Так уж найдется у нас для него и кусок хлеба, пара печеных картошек — он и доволен! Учится же он и теперь задаром. Пусть его идет своей дорогой; увидишь, как он порадует нас! Это ведь и профессор говорит!

Платье для конфирмации было готово; мать сама сшила его, кроил же портной, а он хорошо кроил, даром что должен был по бедности своей

пробиваться починкой старой одежды. Поставь он себя иначе да будь в состоянии держать мастерскую и подмастерьев, говорила жена привратника, он мог бы стать придворным портным!

Итак, платье сшили, и Георг конфирмовался. В день конфирмации он получил от самого богатого из своих крестных отцов, старого приказчика, большие томпаковые часы. Старинные они были, испытанные и имели привычку забегать вперед, но это лучше, чем отставать. Это был дорогой подарок! От генеральской семьи тоже явился подарок — псалтырь в сафьяновом переплете. Прислана она была от имени барышни, которой Георг дарил картинки. На первой, чистой, страничке книги было написано его имя и ее имя с прибавлением «благосклонная». *«Георгу на память благосклонная Эмилия»*. Написано это было под диктовку генеральши. Генерал прочел и сказал: «Charmant!».

— В самом деле, это большое внимание со стороны таких важных господ! — сказала жена привратника, и Георга, как он был — в новом наряде и с псалтырью в руках, — послали благодарить господ.

Генеральша сидела вся закутанная: она страдала своей обычной «ужасной мигренью», как и всегда, когда ей было скучно. Но все-таки она взглянула на Георга очень ласково и пожелала ему

всего хорошего, а также — никогда не страдать такой головной болью, как она.

Генерал расхаживал в халате, в ермолке и в русских сапогах с красными отворотами на голенищах. Он прошелся по комнате раза три, предаваясь собственным мыслям и воспоминаниям, потом остановился и сказал:

— Итак, Георг стал теперь членом христианского общества! Будь же честен и уважай начальство! Состаришься, можешь сказать, что этому учил тебя генерал!

Длиннее этой речи генералу никогда не приходилось держать. Проговорив ее, он опять углубился в себя и принял важный вид.

Из всего виденного наверху сильнее всего запечатлелась в памяти Георга барышня Эмилия. Как она была мила, нежна, воздушна, изящна! Если срисовать ее, так уж разве на мыльном пузыре. От ее платья, от золотистых локонов пахло духами, ни дать ни взять как от только что распустившейся розочки! И с нею-то он когда-то делился бутербродом! Она уничтожила свою порцию с жадностью, не переставая благодарно кивать ему головкой, — говорить с набитым ртом было неудобно. Помнит ли еще она об этом? Конечно! Красивая книжка была ведь подарена ему «на память». И вот в первое же новолуние после Нового года он вышел на двор с хлебом, медным

скиллингом и псалтырью и раскрыл книгу наугад — что-то ему выйдет? Книга раскрылась на благодарственном псалме. Он опять закрыл псалтырь, чтобы загадать на Эмилию, но постарался при этом не открыть книги в том месте, где были похоронные псалмы. И все-таки она открылась как раз там! Конечно, верить этому было нечего, но он все-таки струсил порядком, когда вслед за тем Эмилия слегла и к воротам стал каждый день подъезжать экипаж доктора.

— Не вылечить им ее! — говорила жена привратника. — Господь Бог знает, кого Ему прибрать к себе!

Но ее удалось вылечить! И вот Георг опять принялся рисовать и отсылать ей картинки. Между прочим, он нарисовал царский дворец, древний Московский Кремль с башенками и куполами, похожими на гигантские зеленые и вызолоченные огурцы, — так по крайней мере выходило по рисунку Георга. Эмилию эти картинки очень развлекали, и через неделю Георг прислал ей еще несколько. На всех были нарисованы разные здания: глядя на них, она могла дать волю фантазии — сама рисовать себе, что происходит там за стенами и окнами.

В числе рисунков был и китайский домик в шестнадцать этажей, весь увешанный колокольчиками, и два греческих храма,

окруженных стройными мраморными колоннами и террасами, и норвежская церковь, причудливой постройки, вся из бревен; лучше же всего был «Эмилин замок». В нем она должна была жить сама. Георг придумал для него особый стиль — смесь всего красивого из всех других стилей. От норвежской церкви он взял покрытые резьбою бревна, от греческого храма — мраморные колонны, от китайского домика — колокольчики, а от царского Кремля — зеленые и золотые купола.

То-то был детский замок! И под каждым окошком было подписано: «тут Эмилия спит», «тут танцует», «тут играет в гости» и т. д. Вот-то весело было разглядывать все это! И рисунок-таки разглядывали.

— Charmant! — сказал генерал.

Но старик граф (был еще старый граф, куда важнее самого генерала, владевший замком и поместьем) не сказал ничего, хотя при нем и говорили, что рисунок придуман и нарисован маленьким сынишкой привратника. Не очень-то он, впрочем, был мал — он ведь уже конфирмовался. Старик граф только посмотрел на рисунки и намотал себе все слышанное на ус.

И вот один серенький, ненастный день оказался самым радостным, светлым днем в жизни Георга. Профессор Академии художеств призвал его к себе.

— Послушай, дружок! — сказал он. — Поговорим-ка! Господь одарил тебя способностями, он же посылает тебе и добрых покровителей. Старик граф, что живет на углу, говорил мне сегодня о тебе. Я тоже видел твои рисунки... Ну, на них-то мы поставим крест — в них много найдется погрешностей! А вот теперь ты можешь два раза в неделю приходить в мою рисовальную школу и скоро выучишься рисовать получше. Я думаю, однако, что в тебе больше задатков для архитектора, чем для художника. Ну, да со временем сам увидишь! Но смотри, сегодня же сходи в угловой дом к графу поблагодарить его, да поблагодари и Бога за такого покровителя!

На углу стоял огромный дом; над окнами красовались лепные слоны и дромадеры; все носило отпечаток старины. Но старый граф предпочитал наше время со всем, что в нем было хорошего, не разбирая, откуда оно идет — из бельэтажа, из подвала или с чердака.

— Право, кажется, чем кто знатнее, тем тот и проще! — сказала жена привратника. — Как просто держит себя старый граф! Говорит ну вот как ты да я! Генерал с генеральшею так не могут! Георг вчера в себя прийти не мог от восторга — так мило граф с ним обошелся! Да и я сегодня, после милостивого приема его сиятельства, тоже сама не своя! Ну, не хорошо ли, что мы не отдали Георга в ученье? У